

Богословско-историческая коллекция
Духовные школы и духовное просвещение

Карпук Д.А.

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ И КАЗАНСКОЙ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Православный Собеседник. Альманах Казанской
духовной семинарии. 2009, №1(18). С.169-180

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Санкт-Петербургская православная духовная академия
<http://spbda.ru>

Духовно-просветительский центр «Иліотропіонъ»
<http://andreyblag.ru>

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Москва, Санкт-Петербург, 2013

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ И КАЗАНСКОЙ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Д.А. Карпук

В дореволюционной России действовали четыре духовных академии – в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Казани. Справедливо считается, что, несмотря на то, что все академии согласно уставу имели перед собой одинаковые цели и задачи, у каждой из перечисленных школ были свои особенности, свои традиции, свои отличительные черты.

Все академии известны многочисленными трудами своих профессоров и своими выпускниками. Недаром говорится, что слава академии – это слава ее выпускников. Что касается преподавателей, то в летопись каждой академии вписаны имена многих профессоров, которые, подобно драгоценным камням, являются богатым украшением на венце многострадальной и величественной русской богословской науки.

Каждая из академических профессорско-преподавательских корпораций, как правило, формировалась из числа своих же выпускников. Исключения, когда выпускник одной академии становился профессором другой, случались довольно редко. Но именно эти исключения представляют особый интерес при рассмотрении влияний, которые возникали между разными школами, а значит, и традициями. Главное же, что именно благодаря деятельности той или иной личности можно говорить о взаимоотношениях между высшими богословскими школами в дореволюционной России. Во всех остальных отношениях академии вели достаточно изолированную жизнь. Богословских конференций, где можно было бы встретиться лицом к лицу, обсудить актуальные вопросы, практически не проводилось. Оставались только личные контакты, как правило, редкие, переписка и обзор журналов и публикаций.

Что касается Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий, то здесь в области формирования профессорско-преподавательских корпораций также происходил «обмен» выпускниками.

Из числа выпускников СПбДА, которые служили в КазДА, можно назвать Гусева Александра Федоровича (1845-1904), профессора на кафедре апологетики, Ивановского Николая Ивановича (1840-1913), профессора на кафедре истории и обличения русского раскола, Некрасова Александра Александровича (1839-1905), профессора по кафедре греческого языка. Особое место в этом ряду принадлежит епископу Антонию (Храповицкому) (1863-1936), который был ректором академии в Казани с 1895 по 1900 гг.

Среди выпускников КазДА, преподававших в СПбДА, можно отметить епископа Антония (Вадковского) (1846-1912), впоследствии митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, еп. Бориса (Плотникова) (1855-1901), проф. И.И.

Соколова (1865-1939). Отдельное место в истории СПбДА занимает деятельность епископа Анастасия (Александрова) (1861-1918).

* * *

Епископ Антоний (Александр Васильевич Вадковский) – выпускник КазДА 1870 г. Долгое время преподавал в родной alma mater, редактировал академический журнал «Православный собеседник», что свидетельствует о его незаурядных способностях. Большая трагедия в личной жизни, когда он потерял свою супругу и двоих детей, привела к тому, что Александр Васильевич принял решение о монашеском постриге, который и состоялся в 1883 г.

Спустя два года, в 1885 г., в непростой для высшей богословской школы в России период, связанный с введением устава 1884 г., вызвавшего много критики и нареканий со стороны профессоров¹, архимандрит Антоний переводится в столичную академию в Санкт-Петербург на должность инспектора. Еще через два года он уже назначается ее ректором.

Вполне очевидно, что, переезжая из Казани в Петербург, архимандрит Антоний не мог рассчитывать на радушный прием, так как, с одной стороны, он не был «своим», а с другой – являлся еще и монахом. Однако мягкий и деликатный характер, благородство, любовь к просвещению и благодушие ко всем окружающим не только рассеяли это предубеждение, но и очень скоро породнили нового инспектора как с преподавателями, так и, что самое удивительное, со студентами².

В дальнейшем изумительная нравственная высота и мудрость ректора епископа Антония очаровывала очень многих. И все по той простой причине, что «в основу своей деятельности он положил христианские идеалы любви и всепрощения, доверия и морального долга и этого же требовал от других. Ни малейшей фальши в отношении к студентам, он глубоко и искренно любил их. Он говорил, как думал и чувствовал. Лучшим методом проникновения в человеческую душу он считал беседу. Его убеждение, дышащие жаром любви беседы, произносимые с изумительным ораторским искусством, заставляли дрожать «живые струны» их сердец, напряженно работать мысль и невольно увлекали на все светлое их волю, ум и чувства... Наиболее характерной чертой ректорства Преосвященного Антония была поставленная им цель перед академией выпускать не только ученых богословов, но и церковных деятелей»³.

В годы ректорства епископа Антония (Вадковского) в жизни СПбДА происходит весьма знаменательное событие. 29 ноября 1887 г. по благословению митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора (Никольского) (1799-1892), при содействии ректора и доцента иеромонаха Антония (Храповицкого), под патронатом «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви»⁴ было организовано общество студентов-проповедников. Студенты Академии, уже достаточно сведущие в богословских науках, при необходимой помощи наставников теперь должны были приложить к жизни полученные знания. Этот факт тем более удивителен, что во главе студенческого проповеднического движения стали высшие административные лица – ректор и инспектор. «Их самые близкие отношения к студентам, далеко не ограничивавшиеся официальнойностью, послужили почвою, из которой и возникла идея просветительного

служения в народе студентов академии»⁵.

Впоследствии один из студентов СПбДА этого времени вспоминал, что годы ректорства епископа Антония могут считаться лучшим периодом в ее истории. «В то именно время Петербургская Академия впервые выступила из тиши своего уединения на путь широкого просветительско-проповеднического служения обществу в форме собеседования с народом по церквам, фабрикам, ночлежкам. Нам лично помнится, какое громадное значение придавал наш владыка этому широкому движению пастырей и студентов «в народ»⁶.

В ноябре 1892 г. во время прощания с еп. Антонием, которого переводили на новооткрытую Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа, на торжественном собрании в актовом зале от лица профессорского состава выступил засл. проф. Иван Егорович Троицкий (1834-1901): «Мы не можем не радоваться о Вашем возвышении, но не можем и не скорбеть о своем лишении. Умом мы признаем благовременность, полную законность и справедливость первого, но сердце протестует против роковой необходимости последнего. И ум, и сердце по-своему правы; но нам от этого не легче, и мы буквально радуемся сквозь слезы»⁷. И это не были дежурные протокольные слова. Троицкий действительно выразил чувства и мысли если не всех, то многих профессоров столичной духовной академии, о чем он сам более подробно пишет в своем дневнике⁸.

На церемонии прощания, уже после торжественной части, за обедом, старейший преподаватель академии Евграф Иванович Ловягин (1822-1909), который преподавал с 1847 года, свидетельствовал, что на его памяти сменяется уже десятый ректор, и по достоинствам ума и характера владыка Антоний должен занять место в одном ряду с митрополитом Макарием (Булгаковым) (1816-1882) и протопресвитером Иоанном Янышевым (1826-1910).

В декабре 1898 г., после смерти митрополита Палладия (Раева, 1827-1898), архиеп. Антоний назначается на первопрестольную кафедру с возведением в сан митрополита⁹. На новом посту и в новом звании он продолжал принимать самое деятельное участие в жизни академии: участвовал в академических торжествах, возглавлял богослужения, утверждал журналы Совета и т.д. Хотя надо отметить, что не всегда отношения между архипастырем и Советом столичной академии складывались благополучно. Нередко возникали конфликты, особенно обострившиеся в период первой русской революции, когда не только студенты, но и многие преподаватели требовали принятия нового устава и большей автономии для академии и богословской науки.

Однако, несмотря ни на что, владыка Антоний любил и чтит академию, профессоров, студенчество. Вот как об этом пишет проф. Н.Н. Глубоковский (1863-1938), вспоминая свои встречи с ним: «... Владыка твердо и убежденно формулировал свои основания, сказав прямо: я доживаю жизнь, видел ее на всех ступенях, сам поднялся до самого верха и знаю там все непосредственно, но – верьте мне! – нигде нет среды выше и чище, чем ваша – академическая. И это было не случайным порывом, а являлось глубоким убеждением, которого святитель не скрывал, провозглашая его публично и торжественно. Так, на празднике столетия С.-Петербургской Духовной Академии (18 декабря 1909 г.) митр. Антоний в своей

импровизированной приветственной речи, взойдя на эстраду, громко и твердо заявил перед многочисленной избранною публикой, что это – «святая Академия...»¹⁰.

«Святая академия» – удивительно теплые и необычайно важные слова маститого архипастыря. Если бы они были произнесены чуть ранее, хотя бы лет на пять, то не имели бы такой ценности. Но произнесенные в 1909 г. слова о святости академии стоили многого. Это было время, когда уже отгремели раскаты первой русской революции 1905-1907 гг., когда студенческие митинги, демонстрации рабочих остались лишь в памяти, когда дарованные духовным академиям высшей церковной властью широкие полномочия были отменены, когда в адрес едва ли не всех студентов и многих преподавателей богословской школы неслись строгие, часто несправедливые обвинения и упреки в протестантизме, либерализме, увлеченности революционными идеями и прочих крамолах того периода. Только летом 1909 г. был уволен целый ряд профессоров из всех четырех академий. И именно в это время митрополит произносит слова «святая Академия», которые, вне всякого сомнения, относятся не только к СПбДА. Они были адресованы всем духовным академиям России, что произвело эффект разорвавшейся бомбы. Со стороны митрополита Антония это был подвиг, свидетельствующий о том, что владыка мог пожертвовать своей репутацией, но не своей любовью к высшей духовной школе, на благо которой он трудился много лет сначала в Казани, а потом в Санкт-Петербурге.

* * *

Следующим ректором СПбДА в 1892 г. назначается архимандрит Борис (Плотников), также выпускник КазДА 1880 г. В свое время это был любимый и талантливый ученик епископа Антония, пожелавшего, чтобы именно он был его преемником в Петербургской академии. Более того, владыка говорил, что «его преемник будет «крепльший» его, разумея большую, чем его, научную компетентность архим. Бориса»¹¹. Однако архимандриту (с 1899 г. епископу) Борису не удалось на новом месте проявить во всей полноте свои научно-литературные таланты¹² из-за подорванного многочисленными трудами здоровья¹³. За всю 200-летнюю историю СПбДА он был единственным человеком, который занимал пост ректора академии дважды: с 30 октября 1892 г. по 2 декабря 1893 г. и с 17 февраля 1899 г. по 20 января 1901 г.¹⁴

* * *

Достаточно интересные взаимоотношения между Санкт-Петербургской и Казанской духовными академиями сложились и в области церковно-исторической науки. Ярким примером является деятельность Ивана Ивановича Соколова, профессора СПбДА по кафедре истории православной Греко-Восточной Церкви от разделения церквей, выпускника КазДА 1890 г.

В целом следует отметить, что византистика, эта довольно молодая наука в отечественных университетах и духовных академиях, с 70-х годов XIX в. и вплоть до 1917 г. была, по словам выдающегося ученого Ф.И. Успенского (1845-1928), одной из тех областей гуманитарного знания, в которых Россия вышла на мировой уровень и даже в чем-то лидировала, обретя свое лицо, создав собственную школу и добившись общезначимых результатов, с которыми приходилось считаться

европейским ученым¹⁵.

Но путь к звездам был тернистым. Еще в начале XX века было широко распространено твердо установившееся мнение о Византии как «о сплошном царстве разложения, слепого деспотизма, политической смуты, затхлой церковности, морального и умственного вырождения»¹⁶. Начиная с XVIII в. западные историки, описывая Византийскую империю, с плохо скрываемым возмущением рисовали все один и тот же таинственно-мрачный дворец, средоточие деспотизма и низкопоклонства, с его царями и царицами, губившими и сменявшими друг друга среди церемонной роскоши, кровавых революций, романтических интриг и церковных споров¹⁷.

В сложившейся ситуации именно русским ученым, византинистам и церковным историкам, принадлежала особая роль в правильной расстановке акцентов. В связи с этим особого внимания заслуживает деятельность ярчайшего, без сомнения, представителя церковной истории и византологии второй половины XIX в. Федора Афанасьевича Курганова (1844-1920), заслуженного ординарного профессора КазДА и Императорского Казанского университета. Еще в 70-е гг. XIX в. он выдвинул и обосновал на богатом фактическом материале концепцию особых отношений церкви и государства в Византии в своей монографии «Отношения между церковною и гражданскою властью Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления характера этих взаимоотношений (325-565 гг.)». Научные труды Ф.А. Курганова явились довольно аргументированным вызовом в адрес существовавших и прочно устоявшихся в то время стереотипов¹⁸.

Ф.А. Курганов прекрасно видел всю религиозную и политическую тенденциозность западноевропейских историков XVIII-XIX вв. и был глубоко убежден в субъективности многих выводов своих коллег. История должна не судить, а изображать, показывать предмет в его идее и явлении¹⁹.

Именно такая научно-критическая позиция проф. КазДА Ф.А. Курганова была воспринята его талантливым учеником и продолжателем самобытной русской церковно-исторической школы И.И. Соколовым. Впитав в себя, прежде всего, любовь своего учителя к византийской истории, взяв на вооружение новейшие методы научной исследовательской работы, ученый полностью посвятил свою жизнь изучению греческого Востока.

Еще будучи профессорским стипендиатом, И.И. Соколов работал, помимо прочего, в книгохранилищах Санкт-Петербурга. Здесь он неоднократно посещал и беседовал с профессором СПбДА И.Е. Троицким²⁰, прекрасно понимая, что без консультации и мудрых советов этого широко известного в научных кругах специалиста по истории Византии любая научная работа в этой области будет носить ущербный характер.

В связи с этим следует отметить, что СПбДА принадлежит существенная роль в деле развития церковно-исторической науки, признаваемая многими церковными историками и богословами. Так, профессор МДА А.П. Лебедев (1815-1908), когда его избрали в 1904 г. почетным членом СПбДА, писал: «Нужно ли говорить, что принадлежать к славной петербургской академии в качестве ее почетного члена для каждого занимающегося церковно-исторической наукою в настоящее время –

очень большая честь? С именем столичной академии неразрывно соединены имена таких крупных и знаменитых деятелей в области этой науки, как преосвященный Макарий, впоследствии наш митрополит, для характеристики значения учения которого у меня не хватает даже и смелости; как Иван Васильевич Чельцов, воспитавший под своим опытным руководством столько зрелых историков, из числа которых для меня особенно памятно имя моего товарища по семинарии Герасима Яреда, очень скоро и неожиданно ставшего из моего товарища моим учителем по очень неразработанным вопросам преподаваемой мною науки; как Иван Егорович Троицкий и Василий Васильевич Болотов, для которых как истинных мастеров своего дела не может быть сплетено достойного венка никакой самой искусной рукой»²¹.

Особое же значение в деле развития византистики принадлежит именно И.Е. Троицкому, который разработал новые методы академической церковно-исторической школы²². Заслуга Ивана Егоровича состояла еще и в том, что он, обладая огромной эрудицией и занимая одно из первых мест среди византологов России, имел необыкновенное нравственно-научное влияние на своих учеников и был «духовным вождем целой дружины» молодых академических деятелей науки.

Без всякого сомнения можно сказать, что одним из его учеников был и И.И. Соколов, который впитал и воспринял все самое лучшее от своего учителя и в дальнейшем реализовал это на практике. Вот что он пишет о Троицком: «Имя этого ученого окружено ореолом высокой талантливости, беззаветной любви к греческому Востоку, превосходным знанием его языка и истории, изумительным пониманием основных задач византиноведения и необыкновенною продуктивностью в научных работах этой отрасли знания. <...> И вообще сделал для византиноведения так много, что его почтенное имя всегда будет стоять в первом ряду византологов Востока и Запада»²³.

Таким образом, русская церковно-историческая школа, первоначально заимствовав основные западноевропейские достижения и исследовательские методы, постепенно отходила от них. Со временем выработались свои методы, и ключевыми фигурами в этой области были И.Е. Троицкий и Ф.А. Курганов, продолжателем лучших традиций которых явился И.И. Соколов, объединивший в своей научно-исследовательской деятельности лучшие традиции церковно-исторической науки Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий.

Труды профессора Соколова были весьма актуальны для своего времени. В них ученый показывал те или иные стороны общественной и церковной жизни византийского общества, решение тех или иных проблем и вопросов в древности, которые в начале XX века вызывали многочисленные и жаркие споры уже в российском обществе. Своей значимости эти работы не потеряли и в наше время, поскольку по отдельным темам и направлениям до сего дня не написано более скрупулезных и детальных исследований. Подтверждением является тот факт, что в настоящее время (2003-2005 гг.) благодаря усилиям и трудам профессора СПбГУ Галины Евгеньевны Лебедевой и «Издательства Олега Абышко» переизданы многие наиболее значимые церковно-исторические сочинения И.И. Соколова в 7-ми томах, в том числе и никогда не публиковавшиеся до этого академические лекции по истории греко-восточной Церкви.

Последним ректором дореволюционной СПбДА был епископ Анастасий (Александр Иванович Александров), переведенный в столицу прямо с поста ректора КазДА в 1913 г. До этого Александров был ординарным, с 1911 г. – заслуженным профессором Казанского университета по кафедре славянской филологии. Александр Иванович своим жизненным примером засвидетельствовал, что той огромной пропасти, на которую часто указывают или которую пытаются искусственно вырыть между светской и богословской наукой, в дореволюционной России не существовало. Выдающийся ученый-славист принимает монашество и все свои многочисленные таланты направляет на благо Церкви и русской богословской науки.

Примечательно, что профессорско-преподавательская корпорация и студенчество СПбДА с большой радостью приняли нового ректора, глубокая образованность и личное обаяние которого сразу расположило к нему всех без исключения в академической среде.

Уже в декабре 1913-1914 учебного года, спустя всего несколько месяцев после нового назначения, все профессора и студенты душевно отмечали 30-летний юбилей его научной деятельности. 1 декабря, после Божественной Литургии, речь от лица корпорации произнес проф. Н.В. Покровский (1848-1917), который отметил, что за последние 40 лет на его памяти сменилось 11 ректоров, но епископ Анастасий особо выделяется из этого списка. Он стал ректором академии не в начале своего научного пути, а спустя 30 лет напряженной деятельности. Он известен своими трудами не только в России, но и далеко за ее пределами. Новый ректор – дважды доктор: по сравнительному языкознанию и церковной истории. Примечателен и тот факт, что епископ Анастасий пришел в академию из университетской среды²⁴.

Профессорский состав столичной академии возлагал большие надежды на нового ректора, что нашло отражение в словах проф. П.Н. Жуковича (1857-1919), который открыто пожелал: «Пусть в годы Вашего ректорства робкая духовная наука воспрянет в Академии для свободного и всестороннего развития. Пусть не ослабевает Ваша энергия в созидании для нее в Академии более благоприятных условий»²⁵.

Епископ Анастасий сразу же приступил к решению как важных, так и второстепенных вопросов в области богословской науки, улучшению бытовых условий жизни студентов и профессоров. Был предпринят ремонт академического здания, планировалось сделать разного рода пристройки²⁶. Само собой разумеется, что в связи с особенностями столичной жизни управление СПбДА всегда было делом более беспокойным и сложным, чем административная работа в других академиях. Владыка сам свидетельствовал об этом еще на первых порах своего ректорства, сравнивая академическую жизнь в Казани и в Санкт-Петербурге²⁷.

Особо интересен для характеристики епископа Анастасия как человека, широко известного ученого, дважды доктора следующий эпизод его деятельности. 16 апреля 1914 г. поздно вечером владыка Анастасий в сопровождении своего постриженника и студента иеромонаха Филиппа (Морозова) посетил ночлежные дома, расположенные по набережной Обводного канала, где тогда обитали

многочисленные бедняки и бездомные. Появление епископа в таком месте было неожиданным и внезапным и вызвало среди обитателей немалое оживление. Трезвые ночлежники встречали архипастыря с подобающим смирением, христосовались с ним, беседовали, причем выяснилось, что многие из них уже давно не были ни в церкви, ни на исповеди, ни у Причастия, так как в подобных местах никогда не бывали даже священники, не то что епископы. Не обошлось и без курьезных сцен. Некоторые пьяные обитатели встречали внезапного гостя-архиерея с просьбой о деньгах на выпивку²⁸.

Через неделю, вечером 23 апреля, епископ Анастасий, сопровождаемый студентами-монахами, вновь посетил ночлежные дома на Обводном канале. Благословив каждого из их обитателей и подарив им по крестик на шнурке (всего в трех ночлежных домах было роздано более 500 крестиков²⁹), владыка предложил всем пропеть пасхальные песнопения, что и было исполнено. Он пригласил также желающих поговеть и прийти в Свято-Троицкую Александро-Невскую лавру, где для них с согласия митрополита Владимира (Богоявленского) будет отведена одна из лаврских церквей. С искренним чувством благодарности и радости проводили ночлежники епископа, посетившего и обласкавшего «бывших людей», как их тогда называли³⁰. (Однако многие, как выяснилось из разговора, имели образование.)

Наконец, 8 мая 1914 г. в церкви Богородицы, всех скорбящих Радости, над воротами Лавры, епископ Анастасий отслужил литургию для «бывших людей». При этом он сам читал молитвенное правило и причастил всех говевших. Исповедовали ночлежников старейшие студенты-иеромонахи. После литургии Владыка обратился ко всем собравшимся со словами поддержки и утешения³¹. Этот опыт проповеди среди нищих и бездомных оказался единственным, поскольку через несколько месяцев началась война.

Возникли новые трудности и проблемы, которые приходилось решать и ректору, и профессорам академии. Так, во второй половине 1917 г., после возникновения угрозы нападения на Петроград, в столичной академии активно обсуждался вопрос о возможной эвакуации.

Примечательно, что первоначально местом предполагаемого переезда была выбрана именно КазДА. Члены Совета СПбДА на заседании 2 сентября 1917 г. определили: «Просить проф. прот. А.П. Рождественского переговорить в Москве с архиепископом Казанским Иаковом и епископом Томским Анатолием относительно помещений и условий, на какие могла бы рассчитывать Петроградская академия в случае необходимости эвакуироваться»³². Вопрос касался непосредственно самой академии как учебного учреждения, для сохранения имущества была уже выбрана Вологда³³.

Проф. А.П. Рождественский (1864-1930) выполнил поручение и в ближайшее время обратился в Совет академии с заявлением следующего содержания: «К сожалению, оказалось, что мы опоздали, академия уже занята Псковским кадетским корпусом, и настолько основательно, что самим казанцам придется сильно потесниться, а о помещении у них еще нашей академии и думать не приходится. <...> Конечно, и профессора-казанцы, и Высокопр. Иаков были бы рады освобождению Казанской академии от Псковск. корпуса и помещению в ней

Петроградской академии, при этом условия они обещают подыскать и квартиры для служащих, как это ни трудно в настоящее время в Казани; но едва ли можно надеяться на успех без каких бы то ни было ходатайств в этом направлении, особенно без участия А.В. Карташева и при сложившихся политических условиях <...>³⁴. Архиепископ Казанский и Свияжский Иаков († 1922) даже готов был в случае эвакуации отдать Санкт-Петербургской академии в полное ее распоряжение свой загородный дом и здание церковно-учительской школы³⁵.

Однако Совет СПбДА, несмотря на такую любезность со стороны архиепископа Иакова, учитывая сложившуюся обстановку, решил подыскать другое место, чтобы не стеснять и без того оказавшуюся в трудном положении КазДА. После дальнейших поисков местом предполагаемой эвакуации был выбрана Харьковская духовная семинария и отдельные здания Куражского монастыря³⁶. Тем не менее, добрые дружественные отношения между КазДА и СПбДА сохранились.

С января 1918 г. открывается новая и последняя глава в истории дореволюционной Петроградской духовной академии (ПДА). Именно с этого момента начинается период активных переговоров с Петроградским университетом о возможности присоединить духовную академию к государственному учебному заведению в качестве одного из факультетов³⁷. Еп. Анастасию суждено было сыграть здесь едва ли не главную роль.

Началось все с экстренного вызова вечером 26 января ректора академии в Отдел высших учебных заведений к комиссару Егорову³⁸. На следующий день встреча состоялась, о чем владыка доложил на срочном заседании Совета ПДА уже 27 января после обеда³⁹.

Именно на этой встрече, которую в некотором смысле можно назвать исторической, сам комиссар поднял вопрос о дальнейшей форме существования академии. Он первым предложил ректору поднять перед коллегами вопрос о целесообразности при сложившихся обстоятельствах вхождения академии в состав университета в качестве его православно-богословского факультета. Примечательно, что «по заявлению комиссара, он, взяв на себя задачу по предложению государственной комиссии войти в личное общение с академией и предлагая указанные меры, стремится, как человек, уважающий гуманитарные науки и богословские в частности (сам он филолог по образованию), оградить академию от тех внешних посягательств на ее жизнь и имущество и благополучие ее деятелей, каковые вполне возможны в настоящее неустойчивое и бурное время»⁴⁰.

Практически сразу после 27 января начались переговоры между духовной академией и Петроградским университетом. И уже 10 февраля 1918 г. на заседании Совета был заслушан доклад еп. Анастасия о возможности присоединения ПДА к университету. Владыка сообщил, что со стороны ректора, проректора и деканов факультетов была выражена готовность «войти в более тесное научное взаимодействие с Петроградской Православной Духовной Академией»⁴¹.

Несомненно, первоначальному успеху в этих непростых переговорах академия была обязана своему ректору – епископу Анастасию, который всегда был близок к кругам интеллигенции, к миру ученому и учебно-педагогическому. И если в

наступившее лихолетье академия встретила самое искреннее, без преувеличения можно сказать – братское, отношение со стороны университета и других высших учебных заведений и ученых светских учреждений, то большую роль в этом следует отнести ученому и моральному авторитету владыки Анастасия⁴².

Тем не менее, в целом дело продвигалось не так быстро, как того требовали обстоятельства. На такую реформу требовалось согласие Святейшего Патриарха, к тому же не все профессора академии были согласны идти на слияние с университетом, так как некоторые полагали, что ситуация в стране в скором времени изменится в лучшую сторону. Дискуссия и переговоры продолжались, но 6 июля (23 июня по ст. ст.) ректор ПДА еп. Анастасий после долгих и тяжелых страданий скончался.

Это была, без сомнения, тяжелейшая потеря в драматический период истории ПДА. Не стало человека, который мог объединять вокруг себя людей даже с различными взглядами. Вскоре и те небольшие результаты, которых удалось с большим трудом добиться, начали таять. Спустя всего несколько месяцев после смерти владыки в том же 1918 г. ПДА прекратила свою деятельность. Но попытка спасти академию в лоне университета является ярким свидетельством тех дружественных отношений, которые существовали между учеными из светских и духовных учебных заведений, что было возможно *только* при взаимном уважении.

* * *

Перед погребением епископа Анастасия гроб с телом почившего обнесли вокруг здания академии. Смерть последнего ректора совпала с гибелью академии. Само его имя в переводе с греческого означает «воскресение», поэтому и столичная духовная школа была закрыта с надеждой на воскресение. Оно произошло спустя почти два десятилетия, в 1946 г., когда была открыта Ленинградская ДАиС. Однако окончательного воскресения еще не совершилось. Историческое здание Санкт-Петербургской духовной академии вплоть до настоящего времени (2008 г.) не возвращено Церкви. Также остается надеяться, что произойдет восстановление и Казанской духовной академии. Вне всякого сомнения, Русской Православной Церкви необходимо возрождение былой мощи отечественной богословской науки. Для этого, в том числе, необходимо вернуть из бездны забвения имена многих иерархов, ученых, профессоров великого прошлого духовных академий. Когда обращаешься к истории того периода, приходится читать и некрологи, в которых довольно часто говорится о том, что вклад того или иного церковного или научного деятеля будет оценен исследователями в полной мере в скором будущем. Однако, к большому сожалению, эти труды до сих пор еще не написаны.

Примечания

¹ См. об этом: Тарасова В.А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. – М.: Новый хронограф, 2005. – С. 24-31; Академические пожелания к началу второго столетия // Церковный Вестник, 1909. № 40. Ст. 1233-1236; К столетию нашей Академии // Церковный Вестник, 1909. № 50-51. Ст. 1577-1581.

² М.Б. Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладжский. – Пг., 1915. – С. 51-53.

³ Сергиевский С.П. Митр. Антоний (Вадковский) и его значение в истории Русской Церкви: Курс.

соч. – Л.: ЛДА, 1951. – С.13.

⁴ Само «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» возникло в 1881 г.

⁵ Н.Р.-ч. Десятилетие проповеднической деятельности духовной академии // Церковный Вестник, 1897. № 48. Ст. 1592-1593.

⁶ Корольков И., прот. Памяти Высокопреосвященного Антония, митрополита Петроградского и Ладожского. – Казань, 1916. – С. 15.

⁷ Проводы бывшего ректора академии, ныне архиепископа Финляндского и Выборгского, высокопреосвященного Антония // Церковный Вестник, 1892. № 45. С. 709.

⁸ ЦГИА СПб., ф.2182, оп.1, д.6, л.15.-16, 18-19. См. также: Карпук Д. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889-1918). Дисс. на соискание степени канд. богословия. – СПб.: СПбГДА, 2008. – С. 28-29.

⁹ М.Б. Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский. – Пг., 1915. – С. 140.

¹⁰ Глубоковский Н.Н., проф. С.-Петербургская Духовная Академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы. – Сремски Карловцы, 1936. – С. 66.

¹¹ Катанский А.Л., проф. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.). Вып. второй (годы 1867-1913). – Пг.: Синод. тип., 1918. – С. 128.

¹² О научно-литературной деятельности еп. Бориса см.: Алексеев А.И. Борис (Плотников) // Православная Энциклопедия. Т.6. – М., 2003. – С. 38. Троицкий И.Г., проф. Преосвященный Борис как ученый // Памяти преосвященного Бориса. – СПб., 1902. – С. 2-3. О переводах некоторых работ о Бориса (Плотникова) см.: Бовкало А.А., Галкин А.К. Студенческие годы св. митрополита Вениамина в Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское Чтение. №14. 1996. (Юбилейный сборник). С. 80.

¹³ «Разные служебные неприятности и огорчения, а также сырой климат северной столицы вредно отразились на слабом здоровье архимандрита Бориса, и он вынужден был просить место настоятеля миссии в Константинополе». Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Часть II. Боголеп (Анцух) – Гурий (Степанов). – Куйбышев, 1966. – С. 20. См. также: Борис, еп. Прощальная речь профессорам и студентам С.-Петербургской духовной академии // Церковный Вестник, 1901. № 7. Ст. 202-203.

¹⁴ О еп. Борисе (Плотникове) см. также: Шавельский Г., свящ. Преосвященный Борис в отношении к студенчеству // Памяти преосвященного Бориса. – СПб., 1902. – С. 18; См. также: Шавельский Г., прот. Русская Церковь пред революцией. М., 2005. С. 297-298; Глубоковский Н.Н., проф. С.-Петербургская Духовная Академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы. – Сремски Карловцы, 1936. – С. 52.

¹⁵ Карпук Д. Церковно-историческое наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Ивановича Соколова (1865-1939) // Христианское Чтение. 2005. № 25. С. 184.

¹⁶ Успенский К.Н. История Византийской Империи. Лекции, читанные на Высших Женских курсах 1914-15 г. Ч. I. М., 1914. С. 3.

¹⁷ См. подробнее: Герцберг Г.Ф. История Византии. Перевод, примечания и приложения П.В. Безобразова. М., 1896. С. 182. Успенский К.Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁸ См. Лебедев А.П. Вступительная лекция по истории церкви // Лебедев А.П. «Великий в малом...»: Исследования по истории Русской Церкви и развития русской церковно-исторической науки. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. – С. 30.

¹⁹ Заливалова Л.Н., Лебедева Г.Е. Из истории русской церковно-исторической науки: Ф.А. Курганов (1844-1920) // Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе. Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново, 1998. – С. 191-192.

²⁰ ЦГИА СПб., ф.2182, оп.1, д.2, л.12.

²¹ Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1903-1904 учебный год. – СПб., 1904. – С. 136.

²² Соколов И.И., доцент. Иван Егорович Троицкий – «ипат византологов», его ученые труды и историческое значение // Христианское чтение. Т.1. Февраль. 1904. С. 314-315.

²³ Там же. С. 306.

²⁴ Празднование тридцатилетия ученой и педагогической деятельности преосвященного ректор

академии, епископа Анастасия // Церковный Вестник, 1913. № 49. Ст. 1524-1525.

²⁵ Там же. Ст. 1558.

²⁶ Тридцатилетие ученой и педагогической деятельности Преосвященного ректора академии, епископа Анастасия // Церковный Вестник, 1913. № 48. Ст. 1502.

²⁷ ОР РНБ, ф.558, д.117, л.10-11.

²⁸ Духовная и церковная школа // Церковный Вестник, 1914. № 17. Ст. 506.

²⁹ В.Н.П. Епископ в ночлежке // Колокол. 1914. № 2393. 24 апреля. С. 3.

³⁰ Духовная и церковная школа // Церковный Вестник, 1914. № 18. Ст. 534-535.

³¹ См. подробнее: Духовная и церковная школа // Церковный Вестник, 1914. № 20. Ст. 607-608.

³² ЦГИА СПб., ф.277, оп.1, д.3871, л.9.

³³ Там же, л.9, об.

³⁴ Там же, л.16.-16, об.

³⁵ Там же, л.29.

³⁶ Там же, л.47, об.

³⁷ См. подробнее: Богданова Т.А., Клементьев А.К. Н.Н. Глубоковский и неудавшаяся попытка объединения в 1918 г. Петроградской духовной академии и Петроградского университета // Санкт-Петербургский университет. 2004. №7 (3663) (<http://journal.spbu.ru/2004/07/22.shtml>); Сорокин В., проф.-прот. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). – СПб.: Изд-во Князь-Владимирского собора, 2005. – С. 186-195.

³⁸ ЦГИА СПб., ф.277, оп.1, д.3906, л.35.-37, об.

³⁹ Там же, л.36.-36, об. Также полный отчет см.: Карпук Д. Приложения к диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия «История Санкт-Петербургской духовной академии (1889-1918)». – СПб.: СПбПДА, 2008. – С. 204-207.

⁴⁰ ЦГИА СПб., ф.277, оп.1, д.3906, л.37.

⁴¹ Там же, л.42.

⁴² ОР РНБ, ф.558, д.117, л.10-14.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).
-

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**